

РАЗДЕЛ I.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930(470+571):94(474.5)“04/14”

Мегем М.Е.

*Балтийский федеральный университет
им. И. Канта (г. Калининград)*

СЮЖЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЛИТОВСКОЙ ИСТОРИИ И ПОЛИТИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ ПРОШЛОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

M. Megem

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

MEDIEVAL LITHUANIAN HISTORY SUBJECTS AND THE POLICY OF CONSTRUCTING HISTORY IN SOVIET HISTORIOGRAPHY

Аннотация. В статье на основании дискурсивного анализа текста характеризуется советская историография, посвящённая прошлому средневековой Литвы. Прослеживается связь между внутривнутриполитической и внешнеполитической обстановкой в стране и процессом конструирования истории Литвы. Выделяются четыре ключевых сюжета, в рамках которых в Советском Союзе происходит интеграция литовской истории в общую концепцию истории СССР: становление Литовского раннефеодального государства и генезис феодальных отношений в Литве, глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов, совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток», захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель.

Ключевые слова: История Литвы, советская историография, политика воспоминаний, Литовское раннефеодальное государство, «Дружба народов», «Натиск на Восток».

Abstract. On the basis of the text discourse analysis the article gives characteristics of the Soviet historiography dedicated to the past of the Medieval Lithuania. The article follows the connection between the domestic and foreign political situation in the country and the process of construction of the history of Lithuania. Lithuanian history was integrated into general conception of the USSR history in the terms of four key subjects: establishing the early feudal state of Lithuania and the genesis of feudal relationships in Lithuania, deep historical roots of «friendship» between Lithuanian and Russian nations, collective Lithuanian and Russian principalities battle against «Onslaught to the East», the seizure of Russian, Belorussian and Ukrainian lands by Lithuanian feudals.

Key words: History of Lithuania, Soviet historiography, politics of reminiscences, early feudal state of Lithuania, «Nations friendship», «Onslaught to the East».

История Литвы, как и история других братских народов СССР, являлась важным объектом исследования для советских авторов. Эпизоды литовской истории обязательно встречались в учебной литературе по истории СССР и общих изданиях, посвященных прошлому русских земель. Литовская Советская Социалистическая Республика имела свою школу

ученых и ряд «классических» обобщающих работ, в которых излагалась «официальная» трактовка истории народа. В связи с тем, что в настоящий момент современной российской историографии пристальное внимание обращается на изучение наследия Великого княжества Литовского в дореволюционной исторической науке, а советская медиэвистика долгое время не попадала в поле зрения исследователей, данная работа представляет особую актуальность.

Великая Октябрьская Социалистическая революция оказалась переломным моментом в исследовании средневекового прошлого Литвы. В «новой» марксистской науке длительное время не находилось место изучению литовской и западнорусской истории, которая не была особенно интересна большевикам. Если в дореволюционной историографии литовская проблематика активно разрабатывалась учеными [29, с. 144–153], то с приходом советской власти научные штудии, посвященные прошлому Литвы, потеряли свою актуальность, уступив место более востребованным и конъюнктурным темам. Москва, Петроград¹ и Киев утратили свое значение как литуанистические центры. Часть историков, специализировавшихся на западнорусской истории, были вынуждены покинуть советскую Россию. Те же исследователи, кто остался в Советской России, по разным причинам не могли заниматься литовской историей. Научные изыскания марксистских ученых 1920–1930-х гг. по истории Литвы носили фрагментарный характер.

Возвращение интереса к литовскому прошлому и правильная постановка предмета истории Литвы в советской историографии, по мнению одного из корифеев литуанистики В.Т. Пашуто, было связано с разгромом «школы Покровского» [39, с. 240]. Правда, с «официальной» версией В.Т. Пашуто сложно согласиться, так как обращение к литовской тематике во второй половине 1930-х скорее были вызваны не идеологической кампанией против учеников М.Н. Покровского, а изме-

---

¹ До 1914 г. город назывался Санкт-Петербург, с 1924 г. – Ленинград

нением отношения партийного руководства к роли исторической науки и включением Литвы в состав Советского Союза, которое потребовало оформления официальной позиции власти касательно прошлого Литвы. Перед советскими учеными была поставлена задача интегрировать историю литовского народа в общую концепцию истории СССР.

В 1940–1950-е гг. были сформированы устойчивые каноны советской исторической науки, в соответствии с которыми возникла классическая система исторических представлений [46, с. 159]. Параллельно с этим сложились ключевые сюжеты, в контексте которых происходила репрезентация литовской истории. Сюжеты были настолько устойчивы, что они присутствовали не только в советском нарративе, но и фигурируют по сей день в российской исторической науке. Данные сценарии были напрямую взаимосвязаны с важнейшими событиями в истории СССР, соответствовали парадигме советского партийно-государственного дискурса и отвечали потребностям политических практик. Прошлое Литвы в советской науке сократилось до четырех базовых сценариев: становление Литовского раннефеодального государства и генезис феодальных отношений в Литве, глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов, совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток», захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель.

Становление Литовского раннефеодального государства и генезис феодальных отношений в Литве

Тема «Литва – раннефеодальное государство» – это единственный сюжет, который в советском нарративе посвящен собственно литовской истории. Данная проблема привлекала внимание советских историков в связи с тем, что литовцам, в отличие от других балтских народов, удалось создать свое собственное государство. А вопрос образования государства для советской историографии имел существенное значение, так как

показывал переход национальной общности из одной формации в другую. Также надо учитывать, что возникновение литовской государственности и история Великого княжества Литовского являются для населения Литвы сакральными сюжетами. По этой причине советское руководство, нуждавшееся в социальной поддержке Литвы, несколько модифицировало набор традиционных символов и образов прошлого [45, с. 427].

Советские историки схематизировали раннюю историю литовского народа в русле общей концепции истории СССР, марксистско-ленинской теории и формационного подхода к интерпретации исторического процесса, в результате чего литовским племенам в IX–XIII вв. были присвоены в качестве основных характеристик такие процессы, как классовое расслоение, развитие частной собственности и производительных сил, становление общественного неравенства [31, с. 672–679], наступление местной знати на права и земли лично свободных общинников [31, с. 779] и т.д.

Интересы знати, по мнению В.Т. Пашуто, в это время требовали создания прочной надстройки единого государства – «аппарата власти, подавляющего сопротивление подвластного крестьянства, за счет которого росло крупное землевладение» [32, с. 482; 39, с. 384]. В итоге Литва «перешла от первобытно-общинного строя к феодализму» [32, с. 482]. Обязательно подчеркивалось, что по сравнению с Русью становление феодальных отношений в Литве шло более медленными темпами. По этой причине только в XIII в. на территории, где проживал литовский этнос, произошло формирование «относительно единого раннефеодального государства». Примечательно, что фактически в каждом издании Литва XIII–XIV вв. идентифицируется как «Литовское раннефеодальное государство» [15, с. 432; 16, с. 80; 20, с. 170; 31, с. 677; 32, с. 478; 42, с. 358; 44, с. 173; 47, с. 65; 52, с. 710].¹

¹ Исключение составляет только одна ранняя работа В.Т. Пашуто «Очерки по истории галицко-волинской Руси», в которой он Литву XIII в. называет «дофеодаль-

В подобном дискурсе восприятие собственно литовской истории происходило в социально-экономической плоскости сквозь призму основных постулатов марксизма-ленинизма. Образ средневековой Литвы отчасти конструировался за счет применения марксистских категорий, с помощью которых характеризовался уровень общественно-экономического развития литовского народа, благодаря чему история Литвы оказалась включена в советскую систему исторических представлений.

Глубокие исторические корни «дружбы» литовского и русского народов

Вследствие «инкорпорации» 1940 г. и Второй Мировой войны территория Литвы оказалась в составе Советского Союза. В результате вхождения Литвы и образования Литовской Советской Социалистической Республики назрела необходимость объяснить причины присоединения Литвы и тем самым идеологически легитимировать советскую власть в глазах литовского населения и других народов СССР. После введения советских войск в Литву, массовых ссылок литовцев в Сибирь, разрушительных последствий Второй мировой войны, активной политики «советизации», проводимой в Юго-Восточной Балтике, Советский Союз долгое время в Литве воспринимался в негативном свете. В свою очередь, историческая наука являлась действенным идеологическим орудием, позволяющим на основании исторических прецедентов продемонстрировать predetermined закономерность вхождения Литвы в СССР и сформировать позитивное отношение литовцев к новой власти. Таким образом, при конструировании новой советской концепции литовской истории ученые-марксисты исходили из основных положений доктрины «дружбы народов». События 1940

ным» государством [40, с. 93]. Такая точка зрения автора говорит нам о том, что в конце 1940-х гг. в советской науке не сложилась четкой позиции по отношению к уровню социально-экономических отношений в Литве, формационной стадии, на которой находился литовский народ.

г. трактовались как освобождение от пут капитализма [17, с. 3] и возвращение Литвы в семью братских республик, в которой литовский народ обретает независимость и подлинную свободу [2, с. 162].

В советском историческом дискурсе принципиальное значение придавалось анализу исторических фактов, подтверждающих наличие «незыблемой» [17, с. 88] и «нерушимой дружбы» [2, с. 9] между русским и литовским народами в далеком прошлом. Важное место отводилось иллюстрации примеров о «прогрессивной» роли русского народа в истории Литвы. В этой схеме «великий» русский народ – старший брат, исторический союзник, руководитель [[17, с. 3], воспитывающий и защищающий своего младшего сородича в лице литовского народа. Несмотря на череду столетий, «переживая сменяющиеся государственные и правовые институты», «братская дружба» сохраняла свою силу [11, с. 240].

Советские историки проводили прямую связь между наследием Древней Руси, русских княжеств, Московского государства и Советским Союзом. Понятие «русский» являлась синонимом слова «советский» [3, с. 115]. В данном случае история воспринималась как закономерный поступательный процесс развития [11, с. 5], поэтому положительное влияние Руси, Московского княжества, Российской империи на литовский народ в прошлом доказывает, что присоединение Литвы к СССР имеет прогрессивное значение, прежде всего, для самих балтов.

Одно из главных положений концепции «дружба народов», заключалось в том, что исторические судьбы литовского, латышского и эстонского народов «издавна связаны» с судьбами Руси [31, с. 572; 36, с. 92–95], имевшей «устойчивые позиции в языческой Прибалтике» [38, с. 5; 40, с. 242]. Взаимоотношения литовских племен и русских княжеств оценивалось как «тесное сотрудничество» [31, с. 572], которое подразумевало под собой «позитивное» экономическое и культурное воздействие Руси на Литву [31, с. 336].

Советские исследователи обязательно упоминали, что языческая Литва в обществен-

но-экономическом и культурном отношении «стояла значительно ниже Руси» [26, с. 7; 28], подтверждением чего служат множественные литовские заимствования на Руси, которая привносила с собой в Юго-Восточную Балтику более высокую духовную и материальную культуру [33, с. 4]. Русские земли, выступая в роли «верного союзника» [33, с. 11–12] и соратника [23, с. 4], обязательно предоставляли литовцам постоянную военную помощь в «общей» борьбе с «иноземными захватчиками» [17, с. 56; 31, с. 336; 53, р. 71].

В данной схеме Русь выступала как активный субъект, положительно воздействующий на Литву, которая в свою очередь являлась объектом, закономерно вбирающим в себя «прогрессивные» элементы русской цивилизации.

Русские земли и братские народы в окружении врагов

Освещение литовской истории также происходила в рамках сюжета о перманентных попытках врагов захватить русские земли и поработить русский народ. Как заметил А.Н. Филюшкин, «временная победа не идет поработителям впрок. Оккупация русских земель может означать лишь краткое торжество неприятеля; и является точкой отсчета обратного процесса, освободительного движения, неизбежно ведущего супостатов к гибели» [49, с. 568–569].

Советскими учеными формировалось представление о том, что русский народ постоянно находится в кольце врагов, которые в силу различных причин время от времени оккупируют русские территории. Например, история XIII в. рассматривается как напряженный и наполненный героизмом период борьбы русского народа за свою «независимость» [6, с. 591; 19, с. 75], за свою «землю и свободу от многочисленных врагов» [31, с. 776]. «Враги» классифицируются как по национальному, так и по классовому признаку. С точки зрения национальных критериев, в средневековье врагами русского народа являлись монголы, немцы, шведы, датчане, венгры, поляки, литовцы [6, с. 591; 28; 36, с. 3,

138], папская курия [44; с. 178], т.е. «полчища захватчиков» [36, с. 255] и «чужеземцев» [27, с. 5]. В свою очередь, классовыми «врагами» были «иноземные феодалы» [6, с. 591; 31, с. 776].

«Враги», нанося удар за ударом [31, с. 791], наступая на Русь с Востока и атакая с Запада [36, с. 3, 138], расшатывали целостность русских земель. Потеря русских территорий обязательно оказывалась временным явлением. Могучая русская держава, несмотря на все сложности, неизменно «возрождалась из пепла», сбрасывала с себя «многовековое иноземное иго» и «спланивала» вокруг себя братские народы, выступая в роли «объединителя» [18, с. 7]. Иными словами, русское централизованное государство «восстанавливало» свои исторические права на захваченные врагами земли [35, с. 126; 36, с. 240], а «братские народы» находили опору в русском народе и возвращались в родную стихию [36, с. 254].

Отметим, что в означенном дискурсе Литва представляла, с одной стороны, «другом», «своим» в совместной борьбе с «Drang nach Osten» и «жертвой» немецкой агрессии, с другой стороны, – «захватчиком» русских, белорусских и украинских земель в XIII–XV вв. Первая репрезентация служила подтверждением догмы «дружба народов», наличия общих интересов в далеком прошлом. Идея «Литвы-жертвы» использовалась для создания образа «воинственной Германии», постоянно пытающейся завладеть восточными территориями. Восприятие Литвы как «захватчика» происходило в рамках сюжета о перманентной оккупации русских земель и их обязательном последующем возвращении.

Совместная борьба Литвы и русских княжеств против «Натиска на Восток»

Концепция «Натиска на Восток» – один из примеров, когда историческая наука была мобилизована на службу интересам Советского Союза. Напряженная обстановка между фашистской Германией и СССР вылилась в информационную и идеологическую войну, которая велась, в том числе, и историками

1930–1940-х гг. В этой войне советские исследователи должны были отвечать за идейную оборону родной страны [30, с. 79].

Образ «врага» в концепции «Натиска на Восток» соотносится с инициаторами и участниками крестовых походов на Русь и Юго-Восточную Балтику. Большинство авторов 1930–1950-х гг. отождествляют виновников «кровавого Drang nach Osten» по национальному признаку: движущая сила здесь – немецкие рыцари-феодалы. [8, с. 38–45; 9, с. 87–111; 10, с. 147; 12, с. 33; 16, с. 86, 89; 22, с. 22–53; 43, с. 110; 51, с. 6–7] После окончания Второй мировой войны фабула концепции несколько меняется, появляются другие инициаторы агрессии на балтские и русские земли. Наряду с милитаризмом «германских рыцарей» [13, с. 216] исследуется и роль шведских и датских рыцарей в крестовых походах в Юго-Восточную Балтику [21, с. 37–57; 30, с. 81]¹.

Согласно ключевой идее «Натиска на Восток» борьба с крестоносцами без поддержки Руси была обречена на провал, так как, по мнению исследователей, балтские племена «не имеют достаточно сил, чтобы дать отпор врагу» [18, с. 48]. Народы Юго-Восточной Балтики были вынуждены искать помощи у русского народа, который являлся «верным союзником» [17, с. 63] и «единственной силой, могущей противостоять натиску крестоносцев» [31, с. 14]. В этих условиях «сильная Русь», которой принадлежит «решающая роль» в борьбе с крестоносцами, не раз вступалась за литовцев, эстов, латгалов и т. п. [1, с. 292; 31, с. 336; 36, с. 105] Так закладывается «фундамент многовековой традиции, а именно, опираясь на русскую помощь, литовцы отстаивали свою свободу от немецких поработителей» [31, с. 892; 36, с. 232].

¹ Но если датские крестоносцы интересны медиэвистам лишь в контексте покорения западноевропейскими феодалами Северной Эстонии, то шведские рыцари занимают в «Натиске на Восток» куда более важную роль. Шведы посягали не только на балтские земли, но и на русские территории, что сразу переводило их в категорию главных «врагов». Кроме того, шведские крестоносцы были связаны с одним из основных концептов «Drang nach Osten» — с Невской битвой. [30, с. 81]

Образ Литвы в концепции “Drang nach Osten” занимает особое место. Литовцы успешно противостояли наступлению западноевропейских рыцарей, что связано, главным образом, с «героической борьбой» русского народа против агрессии с Запада. Кроме того, военные столкновения литовцев с крестоносцами удачно вписывались в советский историографический ландшафт, повествующий о единой борьбе балтских племён и русского народа против “Натиска на Восток”.

Отметим, что советские исследователи зачастую анализировали прошлое Литвы сквозь призму истории всей Прибалтики. Так, в частности, описывая ход «Натиска на Восток», советские историки использовали концепт «Прибалтика» [6, с. 597; 31, с. 906; 35, с. 126–127], подчеркивая, что Немецкий орден препятствовал экономическому сплочению всех прибалтийских земель. Демонстрируя позитивное влияние Руси на балтские племена и их давние связи [22, с. 3, 19, 21; 31, с. 336, 695; 35, с. 126; 36, с. 254; 44, с. 96], медиевисты объединяли народы Юго-Восточной Балтии в одну категорию – Прибалтику, которая на советской ментальной карте являлась единым целым. Таким образом, представления тех лет о Прибалтике как нераздельной общности эстонского, латышского и литовского народов экстраполировались на средневековую историю. В данном случае речь идет о «воображаемой географии»¹, в рамках которой конструировалась карта Юго-Восточной Балтики эпохи Средневековья.

Захват Литвой (литовскими феодалами) русских, белорусских и украинских земель

Присоединение русских территорий к Литве в XIII–XIV вв. – еще один красочный пример, наглядно иллюстрирующий посто-

янное стремление «врагов» завладеть русскими землями. Образ «Литвы – захватчика» позволял советским медиевистам ответить на вопрос, почему белорусские, русские и украинские земли оказались в составе Великого княжества Литовского.

На формирование тезиса о Литве, захватывающей в средние века русские территории, оказали влияние непростые советско-литовские отношения в 1920–1930-е гг. и советский сюжет о постоянной обороне от внешнего врага. Во второй половине 1950-х гг. партийно-государственный аппарат обратил внимание историков на необходимость завуалировать конфликты, происходившие между народами СССР. В итоге многие моменты означенного подхода были пересмотрены. Например, в 1970-е гг. появляются исследования, в которых делается акцент на том, что западнорусские земли были включены в состав Великого княжества Литовского [14, с. 34–37]. В пособии для учителей “Хрестоматия по истории Литовской ССР” [54] информация о присоединении русских территорий к Литве вообще отсутствует. Так происходила деактуализация конфронтационного восприятия совместной русско-литовской истории. Исследования с подобным идейным вектором, по словам советского литовского ученого К. Струмскиса, играли важную роль “в интернациональном воспитании советского народа” [48, с. 123].

В советской литературе 1940–1950-х гг. присутствовали факты, свидетельствующие о постоянной «возрастающей угрозе» со стороны Литвы [34, с. 134; 36, с. 226; 39, с. 372], о «литовской агрессии» [32, с. 210; 36, с. 250; 50, с. 542, 582] и литовских разорительных набегах, донимавших русские земли [5, с. 390; 34, с. 56; 39, с. 399], о «натиске» [50, с. 540] и «напоре» со стороны складывающегося Литовского государства [31, с. 387], о «литовской экспансии» в русские земли [7, с. 88; 11, с. 28; 24, с. 23; 51, с. 45], о «иноземном ярме», которое тянули братские народы Белоруссии и Украины [39, с. 397], о «насильственном отторжении» русских территорий [20, с. 170], о «грабежах» [41, с. 48], о литовских «захватни-

¹ Дефиниция «воображаемая география» введена в научный оборот американским исследователем Эдвардом Саидом и обозначает восприятие какой-либо территории, возникшее не в результате личного опыта, а сформированное дискурсом, в котором находится познающий пространство субъект.

ческих притязаниях» [50, с. 539], о «дерзких нападениях» [27, с. 38] и «опустошительных налетах» [28].

По мнению советских историков, захват русских земель Литвой произошел в связи с тем, что литовцы воспользовались слабостью Руси из-за «татаро-монгольского нашествия» [19, с. 79–80; 26, с. 5–6; 36, с. 173, 239, 249; 39, с. 389] и немецкого «Drang nach Osten» [4, с. 6–7; 32, с. 498, 512]. Среди причин, приведших к литовской «оккупации» белорусского, украинского и русского народов, советские медиевисты называют феодальную раздробленность и отсутствие единства на Руси [1, с. 287; 25, с. 7; 32, с. 497; 34, с. 134; 39, с. 366–367; 47, с. 66–67], а также личную выгоду русских князей и феодалов, сохранивших после присоединения к Литве большую часть своих прав [11, с. 29; 34, с. 134; 37, с. 271].

Территориальный рост Литовского государства, происходивший за счет русских земель, в глазах ученых представлял собой «временное» явление [31, с. 421], возможное только в «пору слабости Московского княжества» [32, с. 512], которое на тот момент «еще не имело сил отстоять независимость» земель от притязаний захватчиков [32, с. 528]. Русские, белорусские и украинские земли были частью Великого княжества Литовского исключительно до тех пор, пока «Русское централизованное государство не поставило вопроса о восстановлении своих исторических прав на захваченные врагами земли» [31, с. 899].

В советском историческом дискурсе основной интерес к истории Литвы проявился, прежде всего, в 1940–1960 гг. и был вызван присоединением территории Литвы к Советскому Союзу. Перед советскими медиевистами была поставлена задача: интегрировать прошлое Литвы в общую концепцию истории СССР, которая была напрямую связана с советской реальностью и отвечала бы потребностям партийно-государственного строительства. Эскалация мифов и образов литовского прошлого переплеталась с внутривосточной и внешнеполитической ситуацией.

1. Включение истории Литвы, как и прошлого других братских народов, в еди-

ную концепцию истории СССР происходило с целью сплочения советских народностей и позволяло сформировать механизм идеологического контроля над общественной коммуникацией. Инкорпорация литовских земель в состав СССР в 1940 г. воспринималась как прогрессивное явление и объяснялась с позиции «советского» провиденциализма: литовский народ издавна стремился к воссоединению с «великим» русским народом, и их союз был исторически предопределен. Доказательная база подкреплялась свидетельствами о вековых «дружественных» контактах и глубоких исторических корнях экономических и культурных связей русского и литовского народов.

2. Активизация антинемецких и антизападных настроений при помощи использования примеров из средневековой истории происходила в условиях напряженной внешнеполитической обстановки, требовавшей проведения мобилизации советского общества. Советские ученые на основании исторических фактов демонстрировали, с одной стороны, постоянное желание немцев и других западноевропейских и классовых врагов захватить территории балтских и русских народов, с другой стороны, – многочисленный «позитивный» опыт совместной освободительной борьбы русского и балтских народов против агрессии «иноземных завоевателей». Всячески подчеркивалось, что литовский народ, оказавшийся «жертвой» крестоносного наступления, нуждался и получал регулярную поддержку со стороны русских земель. При этом русский и литовский народы исключительно защищали «свои» земли, не выступая как «захватчики» по отношению к другим территориям. Кульминация сценария – победа «своих», «наших» над «врагами», «чужими», которая одерживается вопреки всем трудностям и благодаря «праведности» общего дела.

Таким образом, история Литвы излагалась сквозь призму социально-экономических и внешнеполитических проблематик, в рамках определенного структурированного набора сюжетов. В результате утверждения системы

интерпретаций образов и символов прошлого Литвы произошла инструментализация исторических представлений о литовском народе. Данные символы и образы получили гегемониальный статус. Любое отклонение от «классической» трактовки событий, вследствие отложенного функционирования политики воспоминаний, было практически невозможно.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX-XIII вв. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Андреев А.М. Борьба литовского народа за советскую власть 1918–1919. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – 162 с.
3. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский вопрос в национальной политике. XX век. – М.: Моск. Рабочий, 1993. – 160 с.
4. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов. – Т. 1. Под ред. А.И. Азаров и др. – Минск: Издательство АН БССР, 1959. – 516 с.
5. Будовниц И.У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI-XIV вв.). – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 488 с.
6. Всемирная история /Ред. А. Белявский, Л. Лазаревич, А. Монгайт. – Т. III. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 895 с.
7. Готье Ю. Балтийский вопрос в XIII-XVI веках // Историк-марксист. – 1941. – № 6. – С. 87–95.
8. Грацианский Н.П. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1943. – 64 с.
9. Грацианский Н.П. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII–XV вв. // Историк-марксист. – 1938. – № 6. – С. 87–111.
10. Грацианский Н.П. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии // Против фашистской фальсификации истории. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С. 135–155.
11. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства: Киев. Русь и ист. судьбы вост. славян / В.Т. Пашуто, Б.Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич. – М.: Наука, 1982. – 263 с.
12. Жюгжда Ю. Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII – XV веках // Исторический журнал. – 1943. – № 8-9. – С. 27–33.
13. Заборов М.А. Папство и крестовые походы. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 263 с.
14. История Белорусской ССР. – Минск: Наука и техника, 1977. – 632 с.
15. История Европы. Т.2. Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992. – 808 с.
16. История Латвийской ССР: С древнейших времен до 1860 года. – Т. 1. – Рига: Ин-т истории и материал. культуры, 1952. – 661 с.
17. История Литовской ССР: С древнейших времен до 1861 года. – Ч. I. – Вильнюс: Государственное издательство политической и научной литературы, 1953 – 490 с.
18. История СССР. С древнейших времен до наших дней: Борьба народов нашей страны за независимость в XIII-XVII вв. Образование единого Русского государства / Редкол.: М.Н. Тихомиров (отв. ред.) и др. – Т. 2. – М.: Наука, 1966 – 631 с.
19. История СССР. С древнейших времен до 1861 г. / Под ред. М.Н. Тихомирова, Дмитриева С.С. – Т. I. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1948 – 416 с.
20. История СССР: С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.И. Кабанова, В.В. Мавродина. – 3-е изд., испр.. – Ч. 1. – М.: Просвещение, 1974. – 606 с.
21. История Эстонской ССР: (с древнейших времен до наших дней) / под редакцией Г.И. Наана. – Таллин: Эстонское государственное издательство, 1958. – 748 с.
22. Казакова Н.Н., Шаскольский И.П. Русь и Прибалтика. IX–XVI вв. – Л.: Госполитиздат, 1945. – 128 с.
23. Латвийская ССР /А.М. Колотиевский, В.Р. Пурин, А.И. Яунпутинь. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1955. – 117 с.
24. Литва: Краткая энциклопедия / Редкол.: Й. Зинкус (пред.). – Вильнюс: Гл. ред. энцикл., 1989. – 672 с.
25. Ловмянский Х. Владимир Терентьевич Пашуто как историк-медиевист // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. – М.: Наука, 1989. – С. 5-10.
26. Лочмель И.Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов. – М.: Воениздат, 1940. – 167 с.
27. Лурье А.Я. Александр Невский. – М.: Воениздат, 1939. – 56 с.
28. Мавродин В.В. Образование русского национального государства. – Л.: Госполитиздат. 1941. – 208 с. URL: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/745> (дата обращения: 11.03.2013).
29. Мегем М.Е., Вакар М. Литва XI-XIV веков в трудах отечественных историков 50–70-х годов XIX века // Балтийский регион. – № 2012. – С. 144–153.
30. Мегем М.Е. “Натиск на Восток” в советском историческом дискурсе // Вестник Российского

- государственного университета им. И. Канта. – 2010. – № 12. – С. 78–84.
31. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв.: в 2 ч. – Ч. 1. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 984 с.
  32. Очерки истории СССР. Период феодализма, IX–XV вв.: в 2 ч. – Ч. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 812 с.
  33. Палецкис Ю. Думы о старшем брате. – М.: Госполитиздат, 1959. – 69 с.
  34. Пашуто В.Т. Александр Невский. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 160 с.
  35. Пашуто В.Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессией немецких, шведских и датских феодалов в XIII–XV веках // Вопросы истории. – 1969. – № 7. – С. 109–128.
  36. Пашуто В.Т. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). – М.: Госполитиздат, 1956. – 279 с.
  37. Пашуто В.Т. Историческое значение Куликовской победы // Сказания и повести о Куликовской битве. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. – С. 262–291.
  38. Пашуто В.Т. О политике папской курии на Руси (XIII век) // Вопросы истории. – 1949. – № 5. – С. 52–76.
  39. Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 532 с.
  40. Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 327 с.
  41. Пашуто В.Т. Против буржуазных концепций образования Литовского государства // Вопросы истории. – 1958. – № 8. – С. 42–62.
  42. Пашуто В.Т. Русь. Прибалтика. Папство. – М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. – 686 с.
  43. Разин Е.А. История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914–1918 гг.: Военное искусство средневекового феодального общества. Т. 2. – М.: Воениздат, 1940 – 437 с.
  44. Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. – М.; Л.: АН СССР, 1959. – 283 с.
  45. Сафроновас В. О тенденциях политики воспоминания в современной Литве // Ab Imperio. – 2009. – № 3. – С. 424–459.
  46. Советская историография / под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1996. – 591 с.
  47. Советский Союз. Географическое описание в 22 томах. Литва / С.С. Тарвидас, А.Б. Басаликас. Отв. ред. К.К. Белюка, М.И. Ростовцев. – М.: Мысль, 1967. – 286 с.
  48. Струмскис К.Ю. Советские историки о сотрудничестве Литовской ССР с другими советскими республиками // Материалы межреспубликанской научной конференции по источниковедению и историографии народов прибалтийских республик Союза ССР. – Вильнюс: Институт истории АН Литовской ССР, 1978. – С. 122–127.
  49. Филюшкин А.Н. Вглядываясь в осколки разбитого зеркала: Российский дискурс Великого княжества Литовского // Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – 2004. – № 4. – С. 561–601.
  50. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. – М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. – 899 с.
  51. Шабильдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. – Киев: Наукова думка, 1987. – 181 с.
  52. Шаджюс Г.А. Литовская Советская Социалистическая Республика (706–735) // Советская историческая энциклопедия. – Т. 8. – М.: Советская энциклопедия, 1965. – 992 с.
  53. Lietuvos TSR istorija: Nuo seniausią laikų iki 1861 metų. – Vilnius: Politines ir Mokslines Literatūros Leidykla, 1957. – Т. 1. – 447 p.
  54. Lietuvos TSR istorijos chrestomatija. – Kaunas: Sbiesa, 1972. – 319 p.